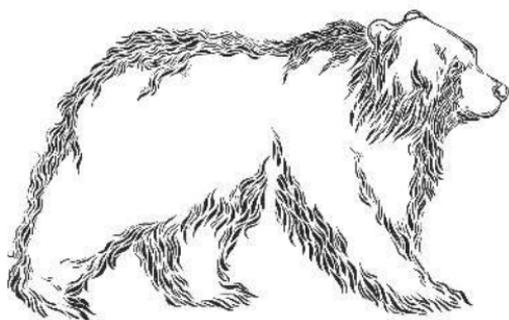

БОЛЬШАЯ
ТЕЛЕГА

И
М
Ж
С
Ф
Р
А
И

БОЛЬШАЯ
ТЕЛЕГА

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Большая телега / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 416 с. — (Миры Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-092506-3

Однажды зимним днём 2008 года автор этой книги аккуратно перерисовал на кальку созвездие Большой Медведицы, наугад наложил рисунок на карту Европы и отметил на карте европейские города, с которыми совпали звезды. Среди отмеченных городов оказались как большие и всем известные — Цюрих, Варшава, Нанси, Сарагоса, Бриндизи, — так и маленькие, никому, кроме окрестных жителей неведомые поселения: Эльче-де-ла-Сьерра, Марвежоль, Отерив, Энгельхольм, Отранто, Понте-Лечча и множество других.

А потом автор объездил все отмеченные города и записал там истории, которые услышал на их улицах, не уставая удивляться, как словоохотливы становятся города, когда принимают путника, приехавшего специально для того, чтобы внимательно их выслушать. Похоже, это очень важно для всякого города — получить возможность поговорить с людьми на понятном им языке.

Так появилась «Большая телега» — идеальное транспортное средство для поездок по Европе, книга-странствие, гид по тайным закоулкам европейских городов и наших сердец.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-092506-3

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

а

В*аша корреспонденция доставлена по адресу: Nancy, Rue Sellier, Jardin de la Citadelle, почтовый ящик.*

Некоторое время я созерцал телефон, пытаюсь понять, что тут не так. То есть, разумеется, вообще все не так. Какая «корреспонденция»? От кого, откуда, зачем? С каких пор о получении письма оповещают по телефону? И что за почтовый ящик может быть в саду? В каком, к черту, саду?! И почему именно в Нанси? Я туда, конечно, еду — вот прямо сейчас, в скоростном поезде из Парижа. Но об этом не знает ни одна живая душа.

Я и сам еще два часа назад не знал, что отправлюсь в Нанси. Просто шел мимо Восточного вокзала, рядом с которым поселился, глазел по сторонам в надежде, что увлекательные планы на только-только начавшийся день образуются как-нибудь сами собой. И вдруг вспомнил игру, которую придумал давным-давно, еще в школе, но по-настоящему оценил, когда стал жителем объединенной Европы и принялся исследовать ее с энтузиазмом узника, чье пожизненное заключение внезапно закончилось, а жизнь — еще нет.

Правила простые: оказавшись возле вокзала в начале свободного от неотложных дел дня, войти и изучить расписание пригородных электричек, а если есть лишние

деньги и желание забраться подальше, то и поездов дальнего следования. Выбрать ближайший, вернее, отходящий минут через десять-пятнадцать, чтобы успеть купить билет — и вперед, на поиски новых впечатлений. Обычно я ограничиваюсь короткими поездками, чтобы вечером можно было вернуться, но это не принцип, а вынужденная уступка обстоятельствам. Будь я богатым бездельником, месяцами домой не возвращался бы.

В глубине души я всегда считал, что это не просто развлечение, а большая, сложная игра с невидимым и, ясное дело, непостижимым партнером, которого по малолетству именовал Судьбой, потом — Случаем, но довольно быстро почувствовал, что никаких имен называть не надо, даже наедине с собой, и благоговейно притих.

Я уже давным-давно такой взрослый, что самому страшно, но до сих пор люблю представлять, что всякий раз, когда я приближаюсь к вокзалу, какой-нибудь дежурный сотрудник Небесной Канцелярии бросает все дела и принимается спешно составлять для меня очередной маршрут. Ощущать его внимание и деятельную заботу мне нравится даже больше, чем болтаться без дела по незнакомым городам и селениям, а лучше этого занятия я пока так ничего и не придумал. Хотя очень старался.

Попав на несколько дней в Париж, я никаких дополнительных путешествий не планировал, это, казалось мне, перебор — все равно что, проникнув в погреб знаменитого винодела, периодически выскакивать оттуда в ближайшее бистро. Но уже на третий день, проходя мимо Восточного вокзала, я почувствовал знакомый сладкий зуд — не в теле и даже не в так называемой «душе», а где-то в районе грядущего полудня. Почти неохотно вошел, почти невольно покосился на расписание и увидел, что скоростной поезд до Нанси как раз готовится к отправлению. Прикинул: а что, прекрасный маршрут, полтора часа, и на месте. И вернуться наверняка можно сегодня же вечером, ну же, сказал

я себе, ну! — и только тогда заметил, что уже уперся коленом в жизнерадостную зеленую твердь билетного автомата.

И вот я еду в Нанси, уже почти приехал, за окном мелькают пригородные сады, а мой телефон внезапно начинает шипеть, свистеть и плевать — я специально сохранил в его памяти симфонию для трех одновременно закипевших чайников, чтобы улыбаться всякий раз, когда приходит sms.

Доставая телефон из кармана, я полагал, это кто-нибудь из приятелей внезапно вспомнил о моем существовании, но нет, сообщение было послано с какого-то незнакомого местного номера. *«Ваша корреспонденция доставлена по адресу: Nancy, Rue Sellier, Jardin de la Citadelle, почтовый ящик»*, — и, да, я наконец понял, что удивило меня больше всего: все, кроме собственно адреса, было написано по-русски, причем не транслитом, а кириллицей. При том что нахожусь я во Франции, а номер у меня — немецкий. Однако неведомого поклонника Кирилла и Мефодия эти обстоятельства совершенно не смутили.

Конечно, я попробовал перезвонить таинственному отправителю — с предсказуемым результатом. Ласковый женский голос проворковал, что такого номера не существует в пределах обитаемой вселенной; что же касается необитаемой, о ней механическая мадмуазель не имела никакой информации, как, впрочем, и я сам. Ну, то есть, мне приятно думать, что автомат сказал примерно это, а не банальное «неправильно набран номер», для того и нужны благозвучные незнакомые языки, вроде французского — чтобы питать наши иллюзии.

Тогда я написал ответ — дескать, ничего не понимаю, объясните. Зря старался, все равно сообщение не дошло до абонента; я, впрочем, не слишком на это рассчитывал.

Значит так, сказал я себе, покинув здание вокзала. Таинственная корреспонденция подождет, пока я выпью кофе. И волшебный сад, который, надо думать, в детстве

мечтал стать избитой метафорой утерянного рая, тоже подождет, и дурацкий почтовый ящик, которого, разумеется, не существует.

Вообще-то, сейчас, когда на меня никто не смотрел и мыслей, смею надеяться, не читал, можно было бы оставить этот снисходительный тон, пинком прогнать внутреннего скептика, наспех сотворенного когда-то из вязкой глины детских разочарований специально для упрощения коммуникаций с внешним миром, и честно признать: на самом деле я погибаю от любопытства и нетерпения. С тех пор, как прочитал нелепое сообщение, написанное кириллицей, только и думаю, что про сад на улице Сельер. Пристал на цыпочки, затаил дыхание, жду.

Но внутренний скептик имеет надо мной куда большую власть, чем было задумано в момент его рождения. Вот и сейчас он буквально силком затащил меня в ближайшее кафе, а со всем остальным я отлично справился сам: обменял две монеты на чашку, наполненную ароматной тьмой, пригубил, вышел на террасу, сел, уставился на разрисованную пластиковую столешницу, достал блокнот, записал: *Жители города Нанси чертят на своих столах старинные карты мира, чтобы находиться одновременно всюду, оставаясь при этом дома.*

Это уже давно стало традицией, приезжая в незнакомый город, я записываю первое более-менее яркое впечатление; получается, можно сказать, новая «Книга чудес», потому что нет ничего причудливей, чем фрагмент правды, насильственно извлеченный рассказчиком из пестрой мозаики бытия и снабженный наивным комментарием озадаченного, но не утратившего вкуса к построению умозаключений инопланетянина. Как почти все, что я делаю, эти заметки не нужны и не интересны никому, кроме меня самого. В юности я полагал свой удел трагическим, но со временем понял, что это просто естественное положение вещей. Люди вообще нужны и интересны друг другу куда меньше, чем принято думать, разве только спину почесать, а если душа не лежит к этому занятию, следует привыкнуть

к мысли, что тебя для окружающих как бы и нет вовсе. А еще лучше — научиться считать это не бедой, но преимуществом. Я научился.

Дописав, я одним глотком прикончил остывший эспрессо, купил в ближайшем киоске план города, с удивлением и даже некоторым разочарованием убедился, что улица Sellier действительно существует, даже Jardin de la Citadelle там отмечен крошечным зеленым прямоугольником, и неторопливо, с независимым видом зашагал по направлению к площади Короля Станислава, делая вид, будто ее хваленый архитектурный ансамбль занимает меня куда больше, чем тот факт, что от этой площади до моего сада практически рукой подать... До «моего»? Ого. Ничего себе.

Внутренний скептик был шокирован столь трепетным отношением к этому нелепому делу; еще больше его сердило, что улица и сад не оказались вымыслом, а значит не удастся вот прямо сейчас объявить меня легковверным ослом и закрыть тему, сэкономив, таким образом, кучу времени — ради чего, кстати, его следует экономить? Хороший вопрос.

Не желая сдаваться, внутренний скептик воздвигал на моем пути к таинственной корреспонденции все новые препятствия. Преувеличенно восхищался фальшивой позолотой решеток на площади Короля Станислава, долго топтался перед скучным фонтаном Нептуна, требовал вдумчиво насладиться ароматом цветущих лип на площади Ла Карьер и с таким неистовым ожесточением тащил меня к Кафедральному собору, будто всерьез вознамерился скормить тамошним позеленевшим от времени химерам. Наконец, отчаявшись, он уселся на стул первого попавшегося кафе и объявил, что без плотного завтрака шагу больше не сделает. Возражать было бессмысленно: этот мерзавец загодя включил легкое головокружение и уже держал палец на кнопке с надписью «нас всех тошнит». Пришлось покориться, уткнуться в меню, сделать выбор, терпеливо ждать сперва официанта, потом — его благопо-

лучного возвращения с омлетом, неторопливо есть, а в финале потребовать вторую чашку кофе, откинуться на спинку стула, блаженно вытянуть не успевшие пока устать ноги и закурить, как будто я совершенно не спешу рассчитаться, вскочить и отправиться на поиски Jardin de la Citadelle, больно надо, подумаешь.

Однако, когда я наконец поднялся, выяснилось, что до улицы Сельер вовсе не четверть часа ходьбы, как я предполагал, а рукой подать. Если верить карте, она начинается сразу за крепостными воротами, а ворота — вот же они, прямо передо мной, всего в сотне метров, странно, что я их раньше не увидел, как будто приблизились, пока я ел, ну или кафе аккуратно передвинулось, вместе с террасой, немногочисленными едоками и омлетом, поглотившим все мое внимание.

Ерунда какая, ухмыльнулся внутренний скептик, просто ты вышел сюда из-за угла и сразу уселся спиной к воротам, вот и не заметил, обычное дело, не выдумывай.

Ладно, какая разница, примирительно сказал я. И, поскольку внутренний скептик не смог изобрести ни одного мало-мальски убедительного предложения куда-нибудь срочно свернуть, поспешно зашагал к воротам.

Jardin de la Citadelle оказался совсем крошечным парком, разбитым, насколько я мог судить, на остатках древней крепостной стены, поэтому туда пришлось подниматься по каменной лестнице, скользкой от сотен тысяч минувших и будущих дождей. Я терпеть не могу аккуратные французские парки, но этот был настолько запущен, что уже почти превратился в английский — цветочные клумбы еще оставались на месте, зато кустарники давным-давно нарушили границы отведенной им территории, теперь они были всюду, расползлись по тропинкам, как пахучее зеленое тесто, убежавшее из квашни. В центре парка высились огромные клены. Когда-то, не сомневаюсь, они были рассажены стройными рядами, но с тех пор успели

разрастись, развернуться в разные стороны, переплестись кронами, образовать между небом и землей маленькую действующую модель мирового хаоса.

Никакого почтового отделения в парке, разумеется, не оказалось. Глупо было на это рассчитывать, снисходительно заметил мой внутренний скептик. И, великодушный, как все победители, добавил: ладно, можешь тут перекурить, чтобы не было ощущения, будто совсем уж напрасно шел. А потом, если не возражаешь, поищем что-нибудь *действительно* интересное.

Курить мне пока не особо хотелось, но иных предлогов задержаться в саду, еще не утратившем очарования, свойственного всем несбывшимся обещаниям, я изобрести не мог. Поэтому сел на скамейку, достал из кармана сигареты, и только тогда заметил, что я здесь не один. Другое человеческое существо, которое с одинаковым успехом могло оказаться мужчиной, женщиной и даже неуклюжим рослым ребенком, стояло под самым высоким кленом и, задрав голову, что-то высматривало в его ветвях. Существо было облачено в черные джинсы и ярко-красную ветровку, на его голове топорщился коротенький ежик младенчески белокурых волос, а за спиной болтался большой, но явно почти пустой рюкзак, уныло-розовый, как коровье вымя. Впрочем, я недолго любовался этим зрелищем, потому что почти сразу инстинктивно задрал голову: что оно там высматривает? Белку небось? Я тоже хочу.

Но вместо белки я увидел когда-то красный, а теперь потемневший от времени и влаги почтовый ящик, не прибитый, а старательно прикрученный к кленовому стволу несколькими слоями проволоки и бечевки метрах в четырех над землей.

Это скворечник. Или кормушка, — заявил мой внутренний скептик и поспешно втянул голову в плечи — стыд ему все-таки ведом, и столь беззастенчивой подтасовкой фактов он обычно не занимается. А этот почтовый ящик был именно почтовым ящиком и ничем иным, невзирая на совершенно неуместное положение в пространстве.

Существо в красной ветровке вздрогнуло, словно наши взгляды столкнулись там, наверху, и обернулось. Оно оказалось одной из тех некрасивых женщин, которые в любом возрасте похожи на красивых мальчиков; они это, надо думать, прекрасно понимают, поэтому всю жизнь коротко стригутся и платьев не надевают даже по праздникам. Мне они очень нравятся, все как одна.

— Huch! — вырвалось у нее.

В принципе, все европейцы удивляются более-менее одинаково, лингвистические сложности начинаются секунду спустя, но это был такой характерный немецкий «ух», что я невольно улыбнулся ей, как старой знакомой. С тех пор, как я поселился в Германии и принялся регулярно оттуда уезжать, немцы попадаются на моем пути буквально всюду, включая литовские деревни, черногорские супермаркеты и вагоны пригородных электричек, курсирующих по Италии. Не сомневаюсь, что если однажды я отправлюсь в путешествие, скажем, из Португалии в Новую Зеландию на судне под американским флагом и, потерпев кораблекрушение, окажусь на необитаемом острове, там непременно обнаружится какой-нибудь плотный, добротный сработанный немец, сядет рядом со мной на песок и философски скажет: «Du scheisse»¹, — выразив, таким образом, наше общее мнение о сложившейся ситуации.

Но с женщиной в красной ветровке можно было поговорить о более жизнеутверждающих вещах. Например, как нас обоих зовут. И как это нам обоим приятно. И какой прекрасный город Нанси. И как удивительно, что мы вот так случайно встретились в этом маленьком парке. Мне-то рассказывать было особо нечего — приехал сюда на день из Парижа, просто так, посмотреть, раньше никогда тут не был. Нет-нет, я вовсе не в Париже живу, а в Берлине... Бабушка оттуда родом? Успела в свое время сбежать из Восточного? Ну надо же, какая молодец! И все в таком роде.

---

¹ По эмоциональному наполнению это восклицание ближе всего к русскому «ой, бля».

Белобрысая Биргит, похоже, сама не заметила, как уселась рядом со мной. Неодобрительно покосилась на мою сигарету, но тут же робко поинтересовалась, не найдется ли у меня еще одна?

— Потому что, — смущенно объяснила она, — я, вообще-то, бросила. Полгода назад. Уже в пятый раз. Это просто проклятие какое-то: я все время что-нибудь бросаю! Сперва — курить. Потом — есть. Потому что стоит бросить курить, и сразу начинаешь толстеть, никакой спорт не помогает. А мне нельзя толстеть, у меня и так фигура не очень, а все лишние килограммы откладываются на бока, и я становлюсь как веретено... И вот я голодаю день, другой, третий, потом срываюсь, покупаю какую-нибудь колбасу, ем ее с наслаждением, ненавижу себя и весь мир, и тут, наконец, вспоминаю, что табак прекрасно глушит чувство голода. Иду за сигаретами, и не жрать становится гораздо проще. Наконец, я получаю обратно свою более-менее сносную фигуру, успокаиваюсь и снова бросаю курить. И все начинается сначала... А сейчас, по-моему, самое время закурить, — вздохнула она, яростно ущипнув себя за бок. И добавила: — Ужас в том, что я сама прекрасно понимаю, что веду себя, как идиотка. Но это совершенно ничего не меняет!

— Все мы ведем себя, как идиоты, — примирительно сказал я. — Просто некоторые особо одаренные экземпляры это о себе знают, а все остальные — нет. Так что добро пожаловать в ряды интеллектуальной элиты.

Биргит расхохоталась, хотя, вообще-то, моя унылая ирония не заслуживала столь бурной реакции. Видимо, табак после долгой разлуки действовал на нее как марихуана.

— Ты определенно великий философ и вообще хороший человек, — внезапно заключила она, отсмеявшись. — А значит, ты сможешь мне залезть на дерево. Другого я бы постеснялась попросить. А тебе, видишь, уже все сказала.

— Нет проблем, — согласился я. — На какое дерево?

Она возмущенно на меня уставилась — дескать, сам, что ли, не понимаешь, на какое? — и молча ткнула пальцем в направлении почтового ящика.

— Почту надо проверить?

Вопрос был сформулирован ехидным внутренним скептиком, но, к счастью, озвучил его я сам, наивная жертва телефонного недоразумения, явившаяся в этот заброшенный парк за мифической «корреспонденцией», поэтому реплика вышла скорее сочувственная, чем ироничная.

— Вот именно, проверить, — кивнула Биргит. Помолчала и почти неохотно добавила: — Понимаешь, этот почтовый ящик — просто легенда. Его, по идее, не существует. Но мне сейчас очень-очень надо, чтобы он все-таки был. Я его уже давно ищущу — везде, вернее, в самых неподходящих местах, где не может быть никаких почтовых ящиков. И — вот, видишь? Может быть, это он и есть? Ну, мало ли.

— А что за легенда-то? — спросил я.

— Я даже не уверена, что эта история тянет на полноценную легенду, — смущенно сказала Биргит. — Просто есть такая тема, которая время от времени всплывает в разговорах, кто-нибудь да скажет как бы в шутку, что этот город порой вступает в дружескую переписку со своими жителями. Не со всеми, конечно. Только с важными для него персонами. Рассказывают, например, что когда польский король Станислав только-только стал лотарингским герцогом¹ и прибыл в Нанси, таинственный посланец в стеклянном плаще вручил ему приветс-

---

¹ Станислав I Лещинский — воевода познанский, был избран королем Польши под нажимом Швеции, но не признан большинством шляхты. Поражение Карла XII под Полтавой (1709) лишило Станислава поддержки шведских войск, он эмигрировал в Пруссию, а затем во Францию. В 1738 году окончательно отказался от притязаний на польский престол и получил во владение Лотарингию, столицей которой был город Нанси.

твенное письмо якобы от главы семейства Вож¹. А когда несколько дней спустя Станислав решил лично поблагодарить отправителя за добрые слова и дельные советы, выяснилось, что такой семьи нет не только в Нанси, но и во всей Лотарингии.

Заметив, наконец, мое недоумение, она пояснила:

— «Вож» — так здесь называют восточный ветер. Герцог этого, понятно, тоже не знал, а когда узнал, сперва рассердился, что его разыграли, но потом решил, что советами из такого источника пренебрегать не следует, и правил, как принято говорить в таких случаях, долго и мудро... Но это — просто байка. Я хочу сказать, письмо от семейства Вож в архивах не сохранилось, и никаких упоминаний о нем в других документах не осталось. Вообще ничего, кроме самой истории, которую, впрочем, тоже мало кто знает. А вот что касается Эмиля Галле²...

— А что было с Эмилем Галле? — Оживился я. — К нему, что ли, тоже гонца отправляли?

— Это, кстати, совершенно прекрасно и удивительно, что ты не спрашиваешь, кто он такой. Можно подумать, я умерла и оказалась в специальном раю для искусствоведов. Это такое замечательное место, где все происходит примерно как при жизни, просто каждый случайный прохожий знает, кто такой Эмиль Галле. И это полностью меняет ситуацию.

— А ты, выходит, искусствовед?

---

¹ Вож, вогез (*фр.* *vosges*) — так в Нанси называют восточный ветер.

² Эмиль Галле — французский художник и дизайнер, один из основателей стиля «Ар Нуво». Родился в Нанси 8 мая 1846, в семье предпринимателя, производившего художественное стекло и керамику. Занимался рисованием и стеклоделием, а также ботаникой, минералогией и философией. После ухода отца на покой возглавил семейное дело и завел собственную мастерскую. В 1901 по инициативе Галле был организован «Провинциальный альянс художественной промышленности», позднее известный как «Школа Нанси», который стал вторым (после Парижа) центром французского «Ар Нуво».